

Валерий ШУБИНСКИЙ

Валерий Шубинский родился в 1965 году в Киеве, с 1972 года живет в Ленинграде. Окончил Ленинградский физико-экономический институт. Автор семи поэтических книг и многочисленных исследований о русской поэзии (Гумилев, Ходасевич, Хармс и др.) Печатается с 1984 года: журналы «Континент», «Звезда», «Вестник новой литературы», «Октябрь», «Новый мир», «Новая русская книга», «НЛО», «Критическая масса», «Знамя», «Волга», газета «Русская мысль» и др. Лауреат премии Андрея Белого в номинации «Критика» (2018) и др.

О чем сигналият нам огни
двугорбого моста?
О том, что руку протяни...
Но нет, ладонь пуста.

О чем шумит наоборот
текущая вода?
О том, что ей наполнишь рот –
и больше никогда.

О чем гудит машин поток
на трассе кольцевой?
О том, что памяти исток –
в гримасе лицевой.

О чем грохочет по мосту
из пункта Б состав?
О том, кто подойдет к мосту,
ничем себе не став.

Протянет руку, там огни,
берет огни рукой.
О чем не говорят они?
О том, кто ты такой.

Собрание

Что нам скажет ушедший к реке,
но оставивший ключ в замке?

я ершей генерал-поручик
я октопуса ученик

я начальник подледных прачек
я любовник одной из них

Что нам скажет поднявшийся на
плоский холм, где гниет луна?

я смотритель воздушных строек
не закончивший ни одной
я стрижей военный историк
кладовщик кладовки ночной

Что нам скажет ушедший за мол:
не вернусь до ужина, мол?

я вязатель древесных петель
разредитель почвенной мглы
я шмелей законоучитель
я сажатель туч на колы

Что нам скажут стрижи и шмели
и ерши, погодки земли?

Долгоиграющее молоко
от производителя «Время и С^о»
делает память клочком одеяла,
ломтиком мыла, которого мало.

Если писать на листе молоком,
проступят слова – но о чем и о ком?
Толстом ребенке? Юнце сухопаром
в шарфе до пят и с дымящим «Опалом»?

Кто там коричневых жабок ловил
да из пластилина собачек лепил?
Некие окна, некие фары
неких проспектов – и я уже старый.

Глупая память палит в молоко
и вещи отбрасывает далеко:
что-то осталось для тихих и сырых
только в бездонных межатомных дырах.

Если стереть эти буквы с листа,

то что ж нам расскажет его пустота?
Хватит ли сердцу цветочного мыла
смыть эту соль, что осталась от мира?

Кто там на кухне три тысячи лет
сидит и глядит, как бессмысленный свет
лизжет предметы бесцветного цвета?
Глупая память, тебя уже нету.

Только сюда из межатомных дыр
музыка льется – и был ли он, мир?

Псковская песенка

Музицируя, едет катерок по Великой,
поглядите, мол, берег, он зарос повиликой,
поглядите, обрыв, на обрыве сосна.
Вот хозяин подвинул волшебную пешку,
вот хозяйка погладила лунную кошку,
ну а мы нарисуем ржаную лепешку
и подпишем, что это луна.

Поглядите, враги – убегайте за стену.
Все билеты распроданы, выходите на сцену,
поглядите: пришли поглядеть.
Мы пришли не за тем из страны недалекой,
нам не нравятся ваши глаза с поволокой,
мы не будем вам петь с катерка на Великой,
а пойдем под стеной посидеть.

Со стены говорят нам: такие-сякие,
убегайте отсюда в сады городские,
ну а впрочем – сидите, ну-ну.
И не пойте уж больше (не больно и пели).
А враги наши были из прели и пыли,
никого не убили, только малость подъели
псковскую ржаную луну.

Романс

Где-то в предгорьях Альпокавказ
есть холодная речка среди скал или ив.
Туда засыпаешь не с первого раза,
а заснувши, не ведаешь, жив ли ты (жив).

Там все на трехцветные точки распалось,
на корпускулы смеха, на выстрелы сна,
и воды той ни капли в реке не осталось,
но зачем-то бурлит, как и прежде, она.

И какие-то люди (я ли и ты ли?)
стоят на мосту, подпирая плечом
воздух, серый от света и белый от пыли,
и не могут друг другу рассказать ни о чем.

хотел бы я жить у Удельного парка
вселиться в кирпичный под шифером дом
чтобы заново пряжу распутала парка
чтобы заново мне расчертили ладонь

я б гулял ввечеру среди сосен разлапых
под кленом густым укрывался в грозу
а с утра бы следил за скрещением слабых
воздушных течений в небесном низу

поездов сероглазых и толстоголовых
скольжение по рельсам бог знает куда
я сопровождал бы таинственным словом
и мне бы мычали в ответ поезда

как весело жить у Удельного парка
покупать серебристую воду с лотка
здесь становится вечность прямою как палка
здесь становится время кривым как река

здесь становишься точкой становишься лодкой
становишься голубем на проводах
чтобы стать под конец телеграммой короткой
Удельному парку о прочих садах

Новогодняя песня

«мы к месту отправимся prostu
по волнам секунд и минут
дадут нам бессмертье по росту
и молодость даром вернут» –

– «по снега веселому хрусту
мы вышли в пятнистую тьму
и к месту отправились пусты
и мы уже близко к нему»

За вечерними окошками

за вечерними окошками
из раскрашенного льда
чебурашками и кошками
их моют иногда

жизнь соседскую обратную
разглядеть бы да никак
только кофточки отвратные
на вертявых двойниках

черепашечки и пташечки
живущие вверх дном
недопесочки и пусечки
ходящие конем

рыбки-птички-бегемотики
визжащие в садке
жиробасики и жмотики
мельтешащие в адке

только розовые косточки
как бубенчики звенят
только газовые кофточки
кокоток и свинят

на стекле подтеки серые
за ним жилая тьма
здравствуй-здравствуй тарабарская
нездоровая зима

Песня

Мимо осинок кудлатых
и дураков-тополей,
мимо красоток в заплахах,
мимо озерных нулей,

гордясь безлошадной своей коробчонкой,
в ней едет по тракту подлец:
выпьет, закусит девчонкой,
звякнет десятком колец.

Мимо еловых ресничек,
мимо прыщей верстовых,
мимо речных единичек,
полных лягушек живых,
зачем он собрался, волшебник заморский,
в секретную русскую даль –
некий товарищ Загорский,
некий визгливый Лассаль?

Озеро пахнет рассолом,
вздулись над ним облака,
в речку с урчаньем веселым
чертик сигнул с облучка.
Но скалятся черные зубы колхоза,
и в полночь на тракт из тайги
вышли матросы мороза,
тихие внуки Яги.